

ОТ ТУПИКОВА ДО УРМАНОВА (Начало творческого пути Кондратия Урманова)

Имя писателя-сибиряка Кондратия Урманова советскому читателю шестидесятых-семидесятых годов было достаточно хорошо известно — прежде всего, по рассказам и очеркам о Гражданской войне, лирическим новеллам и миниатюрам о природе и произведениям о детях и для детей. Литературную деятельность он начал еще в предреволюционные годы, но только более сорока лет спустя, после появления в 1957 году в Москве книги «В сибирской дальней стороне», об Урманове заговорили как о литературном «открытии» и «значительном явлении советской литературы». Но, даже выйдя «из тени», К. Урманов так и остался до конца не познанным. И если советский период его творчества более-менее изучен и освещен, то досоветский остается фактически «землей неизведанной». Не собраны воедино, не переизданы и произведения К. Урманова той поры, разбросанные по сибирской периодике, которые он подписывал либо настоящей своей фамилией — Тупиков, либо совсем другими псевдонимами.

В этой работе и предпринята попытка проследить начало творческого пути К. Урманова и представить некоторые из его произведений того периода.

Кондратий Никифорович Тупиков родился 9 (22 по н. ст.) марта 1894 года в селе Васильевском Каменской волости, Кокчетавского уезда, Акмолинской области. Родился в многодетной крестьянской семье, едва сводившей концы с концами. Отец спасался от нужды столярным ремеслом. Но прокормить восемь душ было тяжело.

В повести «Белые ночи», отчасти автобиографической, отрывок из которой был опубликован в газете «Омский день» в апреле 1917 года, Тупиков, вспоминая пору первоначальную, пишет: «Детства у меня будто не было, помню что-то туманное, скомканное и забито-одинокое. Не было, кажись, ни одной живой души, к кому я мог бы прилепиться, все меня не любили за молчаливость, все гнали, как совершенно лишнего и чуждались. С этим одиночеством я ступил и на путь моей самостоятельной жизни...»

В этом признании молодого литератора больше, пожалуй, художественного преувеличения, романтического сгущения красок, нежели точного соответствия действительности. Тот же Никифор Тупиков, отец Кондратия, при всех трудностях его семейного бытия, любил свих детей и делал все, что мог, дабы вывести их в люди. Как человек грамотный, он понимал значение образования, мечтал дать его хоть кому-то из сыновей. И когда в соседнем Атбасаре открылась в 1909 году (к этому времени Кондратий окончил трехклассную сельскую школу) сельскохозяйственное училище, готовившее из крестьянских детей мелких служащих земства, сельских предпринимателей и прасолов, отец сразу определил его туда. Здесь было бесплатное обучение и проживание, и для детей бедноты это был хороший шанс.

Отец вообще немало сделал для духовного формирования Кондратия. «Это отец приучил меня познавать окружающий мир»², — вспоминал впоследствии Урманов.

Были в детстве Кондратия и другие люди, к которым «прилеплялась» его душа. В мир книги, ставшей на всю жизнь его неразлучным другом, Кондратия Тупикова вводила его первая учительница: «Я часто ночевал у одинокой своей учительницы Анны Алексеевны... Она умела уводить меня своей мечтой в необозримые дали, в неведомые города, и после окончания школы я долго еще мучился этими заманчивыми мечтами»³.

С большой радостью и воодушевлением шел Кондратий учиться в Атбасарское училище. И, казалось, сама природа вторит этой его радости. В тех же «Белых ночах» читаем: «И вот передо мною открыла двери школа. Сколько я был счастлив в эти первые

² Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 225.

³ Там же.

дни моего пребывания в школе! Казалось, всё мне улыбалось в те дни: и небо, и цветы, и чистые воды красавицы-реки Джабайки... Красиво все было в природе, и моя юная душа растворялась в этой девственной красоте...»

Однако реальность существования в училище отнюдь не совпадала с этим радужным ощущением окружающей природы.

Вспоминая о времени пребывания в Атабасарском училище, Тупиков в лирическом этюде «Весной», увидевшим свет в 1919 году в омской газете «Рабочий путь», об обитателях этого заведения писал: «Ходят оборванные в дырявых старых сапогах, еще в шапках, из которых вылезла «требуха»... Главный герой произведения, за которым без труда угадывается его автор, — не исключение. Более того, «прошлой осенью походил несколько дней в рваных пимишках и полуодетый и вот всю зиму пролежал — простыл».

Тяжесть положения усугублялась тем, что «всегда полуголодные ученики этого заведения использовались в качестве даровой рабочей силы, приносящей доход попечителям и наставникам училища»⁴. А его управляющий оказался еще и заядлым картежником и однажды проиграл сорок стогов сена, накошенного учащимися. Возмущенные старшеклассники написали жалобу генерал-губернатору, за что сами же и пострадали. А Кондратий Тупиков как главный зачинщик был исключен из училища.

Впрочем, формальная причина была иная. Выгоняли Кондратия с формулировкой «за вольнодумство и непочтительных отзывах о школьном начальстве, а так же богохульские настроения»⁵. По определению же самого писателя — за протест против «бурсацких в нем настроений»⁶. Протест этот рождался под влиянием той жизни, в которую совсем еще юный Кондратий окунулся в стенах училища. Подтверждение чему мы находим, в частности, в тех же «Белых ночах»:

«Но прожил зиму, увидел обиды, которые наносит человек человеку и исчезла от меня моя светлая юная радость. Я стал искать Бога, я стал искать слова, которыми можно было бы оправдать дела человеческие. Мне больно было смотреть на идолопоклонничество собратьев по жизни, и я смеялся смехом сквозь слезы над их делами. На меня посыпались обвинения, как на атеиста, развращающего учеников. Но, Боже мой! Как несправедливы были их нападки! Разве я мог быть тогда атеистом, когда я едва еще мог отличать левое от правого?! Нападки эти начало поднимать начальство и меня, жаждавшего света, жаждавшего человеческого отношения, выгнали из школы и под заунывное завывание снежной бури отправили домой...»

Эпизодом расставания с Атабасарским училищем заканчивается и лирический этюд «Весной». Его герой прощается с провожавшими товарищами и отправляется в путь: «...Я пошел на восток, к тому чудовищно сказочному городу, который жил с детства в моем воображении. Я шел, а внутри у меня все трепетало от радости, от сознания, что я свободный, ни от кого не зависимый человек. И душа, полная юной радости, пела песню песне весне...». Заканчивается, несмотря на всю, казалось бы, мрачность и беспросветность существования в училище, светло и мажорно.

Были в этом существовании и светлые моменты. Собственно, их всего-то два, тесно друг с другом взаимосвязанных, но зато и след они оставили в жизни Кондратия Тупикова-Урманова на десятилетия. Пребывая в Атабасарском училище, Кондратий познакомился с юной киргизкой, дружба с которой переросла в светлое чувство первой любви, помогавшее преодолевать невзгоды. И, вдохновленный им, Кондратий написал в стенах ненавистой «бурсы» первое свое стихотворение, которое можно считать некоей точкой отсчета в творческой биографии Урманова. Само же это чувство и образ юной киргизки писатель пронесет через всю жизнь и много лет спустя с большой лирической

⁴ Смердов А. Песни весны и жизни. // Кондр. Урманов. Перепутье. — Новосибирск, 1969, с. 267.

⁵ Там же.

⁶ Яновский Н. Неопубликованные произведения Кондратия Урманова. // Литературное наследство Сибири. Т. 8, с. 6. — Новосибирск, 1988.

силой и эмоциональной взволнованностью выразит в одном из лучших своих рассказов «Подруга».

Расставшись с училищем, юный Тупиков, опьяненный наступившей свободой, радостно шел навстречу новой жизни. Было ему всего пятнадцать лет, и он еще не подозревал, что свободная жизнь совсем не сахар, и хрен окажется редьки не слаще, что впереди его ждут большие испытания.

Домой Кондратий решил не возвращаться. Было стыдно перед отцом, надеявшегося, что за счет полученного в училище образования сын найдет себе достойное занятие и надежный кусок хлеба.

И началась бездомная бродяжническая жизнь.

«Я исходил много дорог, бывал во многих городах... Мои руки знали всякую работу, огрубели, и часто трудно было держать карандаш, чтобы написать письмо родителям, — вспоминал впоследствии Урманов. — ...У меня не было постоянной работы, постоянного куска хлеба. Я каждый день бегал по городу, искал случайные заработки...»⁷

Самостоятельную же трудовую жизнь Кондратий начинал все в том же Атбасаре. Он устраивается на работу маляром. Но вскоре перебирается в Омск, где трудится и дворником, и грузчиком на пристани, и рассыльным в типографии, и писарем в переселенческом управлении...

Одновременно настойчиво ищет для себя «печатную» работу. Кондратий активно занимается журналистикой — пишет на разные темы заметки, небольшие статьи в сибирские газеты («Приишимье», «Омский день», «Народная газета» и др.) и даже фельетоны. Ни материального (за опубликованные материалы гонорара он чаще всего не получает), ни морального удовлетворения он не испытывает. Зато некоторые печатные выступления оборачиваются для него серьезными неприятностями. Как произошло это после публикации одного из фельетонов в 1913 году в газете «Омский телеграф», в котором Тупиков высмеивал порядки, царившие в переселенческом управлении. На другой же день после появления фельетона, Кондратия уволили.

Зиму 1913 года он провел в родном селе, где усиленно занимался самообразованием, а еще читал крестьянам-землякам Пушкина и Некрасова, Толстого и Горького, который к этому времени становится его кумиром. «Читки» эти не остались незамеченными. Тупиков по доносу местного попа был привлечен к суду с формулировкой «за кощунство над святой церковью». Спасаясь от судебного преследования, Кондратий покидает село, и снова начинаются его скитания. Под фамилией Чернов он появляется то в одном, то в другом месте Тобольской губернии.

Во времена этих скитаний, в 1914 году, Кондратий Тупиков создает и свое первое прозаическое произведение. Полвека спустя, в очерке «Наша юность», посвященном 70-летию Всеволода Иванова, он вспоминает об истории его создания:

«Была война... Я поневоле скитался все лето по Тобольской губернии, плавал на пароходах, ходил пешком, работал на покосах. Как-то в одном из сел Ялуторовского уезда я стал свидетелем загадочной трагедии: свекор и сноха порезались ночью, и к утру в маленькой избушке слышался только детский плач. Пришли соседи и увидели — на полу, в луже крови ползает ребенок, рядом, возле кровати — мать с окровавленной грудью, а у двери — старик с проломленной головой.

Как это произошло — никто не знал. Рассказывали: спор возникал всегда в этом доме во время получения пособия от правительства семьям, у которых кормильцы взяты на войну. Старик будто бы говорил снохе: «Мой сын, и мои денежки...» А сноха отвечала: «Мой муж, и нам с сыном эти денежки дает царь...»⁸.

В этом селе я написал первый свой рассказ «Кто виноват?»

⁷ Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 226 — 227.

⁸ Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний. // «Сиб. огни», 1965, №2, с. 160.

Не вдаваясь особо в психологические тонкости взаимоотношений своих героев, начинающий писатель приходит в нем к однозначному выводу, что виноваты во всем война и правительство.

Рассказ Тупиков послал в якутский журнал «Ленские волны», где он в 1915 году и был опубликован.

О публикации Кондратий узнал от...Антон Сорокина. Вот как описывает этот эпизод К. Урманов в автобиографическом очерке «Начало пути»:

«Поздно осенью я вернулся в Омск. Не помню, где меня познакомили с Антоном Сорокиным.

— А у меня для вас есть подарочек... — сказал он.

В тот день Я впервые был в квартире писателя. Антон Семёнович протянул мне тощенькую тетрадку, на которой сверху фигурными буквами было напечатано — «Ленские волны». В этом журнальчике я увидел свой рассказ. К сожалению, прочесть ничего нельзя было: текст забит разнородным шрифтом и поперек страниц стояли тяжелые слова: «НЕ ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ». Меня это и обрадовало и огорчило.... Мне показалось, что я нашел свою тропинку. Хотелось верить, что эта тропинка выведет меня на настоящую дорогу, что кончатся дни неприкаянной жизни...»⁹.

Не будем особо удивляться превратностям судьбы, которая свела мало тогда известного начинающего литератора Кондратия Тупикова с «королем писателей» (как он сам себя любил называть) и открыла ему двери этой знаменитой омской обители, ибо для творческой интеллигенции предреволюционной и революционной поры квартира Сорокина с ее хозяином была центром мощного духовного притяжения. Как писал в своих поэтических воспоминаниях Леонид Мартынов:

Но, не ценя спокойствия ни в грош,
Антон Сорокин собирал, неистов,
Вокруг себя шальную молодежь —
Мечтателей, фантастов, футуристов...

Что касается «настоящей дороги» и конца «неприкаянной жизни», то до этого было еще не близко. Хотя, безусловно, первая литературная публикация, пусть и не дошедшая до читателей, стала для Кондратия Тупикова сильным импульсом и стимулом для дальнейшего творческого развития. Прозаические и поэтические произведения Кондратия Тупикова, которые он подписывал то собственной фамилией, то псевдонимами, стали регулярно появляться в различных периодических изданиях Западной Сибири вплоть до начала 1920-х годов.

Что же пытался поведать, отобразить и выразить в них начинающий литератор?

Едва ли не каждый писатель свой творческий путь начинает с выражения собственного душевного состояния, связанного с открытием для себя и познанием окружающего мира, его восприятием и ощущением. Кондратий Тупиков здесь не был исключением. Он шел вполне традиционным путем, отгалкиваясь от картин и впечатлений жизни вокруг и жизнь эту по мере сил отображая. Ну, а поскольку была она с самого рождения нелегкой, непростой и невеселой, то такой же предстала и в его литературных опытах. Не случайно большинство из написанного им в предреволюционные годы пронизано мотивом безысходной тоски, одиночества, мрачного пессимизма. (Один из рассказов Тупикова так и называется — «Тоска»).

Чувство болезненного одиночества и, как следствие, разочарование жизнью, приводят героя рассказа «В осенний день» к драматическому внутреннему разладу.

Душевный разлад в рассказе «Слезы Турумбая» обретает уже социальную окраску. Молодая киргизка, получающая образование в городе, приезжает погостить к родителям в

⁹ Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 227.

степь и чувствует себя в родных местах чужой. Она уже оторвалась от образа жизни и среды, в которых жила с рождения. Но и город не стал ей своим. Оттолкнувшись от исконного берега, она в новой среде обитания твердой опоры не почувствовала. Социальная драма Казизы усугубляется до трагедийного накала драмой любовной. Оставшийся в городе возлюбленный не дает о себе знать, а дома родители решают отдать дочь замуж за соплеменника, заплатившего за нее, согласно древним обычаям степняков, калым. Узнав об этом, Казиза кончает с собой в речных водах. Конфликт прошлого с настоящим, традиционного национального уклада с социальными реалиями иного рода и времени, заканчивается для нее трагедией.

В рассказе «Дневник» под мотив одиночества автор также подводит социальный фундамент. Герою-рассказчику кажется, что «это не вьюга за окном поет свою заунывную песню, а люди, обездоленные униженные люди, а ветер собирает их одинокие, мучительные страдания разносит в каждый дом, в каждую избушку, чтобы услышали спящие, сытые, блаженствующие и поняли бы, кроме них на этом же куске земли есть обездоленные и оскорбленные; чтобы поняли всю горечь, всю тоску этих невыносимых страданий, — поняли бы, что на этих страданиях зиждется их спокойная жизнь...» Своего рода иллюстрацией этой мысли и становится рассказ. Герой-рассказчик, приехав «по назначению» учительствовать в село, обнаруживает в школе дневник работавшей здесь до него учительницы Ольги Паутовой, в котором читает ее исповедь. Судьба этой девушки из богатой семьи сложилась так, что после смерти матери и брата ей пришлось уйти от отца и начать самостоятельную жизнь. Она стала работать сельской учительницей, сошлась с неким «политическим», полюбила его, забеременела. А когда Михаила арестовали, не выдерживает и умирает от разрыва сердца. Увы, но художественное воплощение этой драматической коллизии оставляет, мягко говоря, желать лучшего — настолько все здесь бегло, пунктирно, не убедительно. Иллюстрация получилась бледной, некачественной.

Куда убедительней социальная подоплека владеющего героем чувства тоски показана в более позднем рассказе Тупикова «Жень-Шень». После того, как город заняли красные, навалилась на его главного героя непонятная болезнь. Съедала его тоска, болела душа, давило сердце. Словно «кто-то злой вынул у него самое главное, что дано человеку, и он состарился. И следа не осталось от прежнего Трофима Михайловича. Жил себе полным хозяином в доме, всего хватало — и жареного, и пареного; гостей водил, был принят у людей, да еще и каких! А теперь что?

— У-У-У!.. Мерзавцы... В рай захотели, а человеку жить невозможно. Дом отобрали, кто хочет, тот и жить может, а меня, хозяина, знать не хотят...»

Вот, собственно, и главная причина странной болезни — тоска по оставшемуся в прошлом сытому благополучию, по утрате себя как хозяина собственной судьбы, да и просто чувства хозяина, придававшего обывателям типа Трофима Михайловича ощущение значимости и устойчивости. Разразившаяся революционная буря, изменившая социальный ландшафт, разрушила, в том числе, и жизненные основы Трофима Михайловича, не дав взамен ничего. Оттого и мучился он и не мог найти себе места.

И замыслил тогда Трофим Михайлович побег. Он уговорил квартировавшего в его доме комиссара Троянова взять к себе в отряд, отправлявшегося на Алтай громить остатки колчаковской армии, чтобы там уже самому через горы добираться до мест, где, по рассказам, знакомого омского китайца, растет чудодейственный корень жень-шень, с помощью которого можно вылечиться от любых недугов. Преследуя колчаковцев, отряд добирается до гор. Во время завязавшегося боя Трофим Михайлович решает, что настала пора уходить. Но, успев пройти совсем немного, был подкошен пулей, которая как бы поставила точку в его затянувшейся душевной болезни и маяте.

«— Ну, вот и вылечился, — тихо сказал Троянов, — душа перестала болеть...»

Рассказ этот написан в ноябре 1921 года и впервые подписан псевдонимом Кондратий Урманов, который вскоре станет постоянным литературным именем Тупикова.

Напечатан же рассказ был в 1922 году во 2-м выпуске омского журнала «Искусство», став едва ли не самым значительным произведением дореволюционного периода Тупикова-Урманова и предтечей его хорошо известных рассказов о Гражданской войне...

Но до этого будет еще несколько лет поисков себя и своего места в жизни, проб пера и творческих поисков.

Что касается тематической составляющей, то начинал свою литературную деятельность Кондратий Тупиков с «киргизской» темы. Для него как человека родившегося и выросшего среди степей Северного Казахстана, в верховьях Ишима, где русское население мешалось с казахскими кочевниками-степняками (их тоже звали тогда «киргизами») это было вполне естественно. Тем более, что и сама тема «инородцев» для писателей многонациональной Сибири была близкой и давно традиционной. К жизни тех же «киргизов» не раз обращались такие, например, современники Кондратия Тупикова, как Александр Новоселов, Антон Сорокин, Всеволод Иванов.

Первый «киргизский» рассказ Тупикова, подписанный им Степняк-Сибирский, назывался «Последние слова Желдангара» и опубликован был в сентябре 1915 года в тех же «Ленских волнах», где чуть раньше цензура перекрыла Кондратию доступ к читателю.

Старый немощный старик-киргиз просит сыновей отнести его на сопку Кас-Касатау к могиле отца, чтобы помолиться перед смертью. Сыновья просьбу выполняют. Молитва же старика — это плач о невозвратном вольном и счастливом для киргизов прошлом. Но вот пришли однажды в родные края чужие люди и «заняли наши вольные степи». И теперь, предрекает старик, «настанет время, когда вас, дорогие мои дети, вышлют из лесу куда-нибудь в голодную степь... И не будет у вас ни этих прекрасных степей, ни зеленых лесов...» «И, благословив сыновей не на жизнь, а на страдания, Желдангар умер в слезах на этой горе», — заканчивается рассказ.

Мысль о жестоком и беспощадном захватническом вытеснении степняков с их исконных земель пришлыми русскими людьми, порабощении ими аборигенов еще не раз зазвучит в «киргизских» произведениях Кондратия Урманова. В рассказе «В рождественскую ночь», также под псевдонимом «Степняк-Сибирский, показан один из таких «пришельцев», новоявленных «сибирских помещиков» — русский казак Болотников, захвативший обширные родовые угодья, киргизов, и разбогатевший на их нещадной эксплуатации. Перед нами типичный самодур, способный под горячую руку на самые гнусные поступки. В раздражении от собственных неудач последнего времени Болотников накидывается на ни в чем неповинного работника-киргиза Ахмеджана, который верой и правдой служит ему уже десять лет, и выгоняет его из своей заимки в рождественскую ночь, обрекая на верную гибель.

Трагедия умирающей с голоду киргизской семьи запечатлена и в рассказе «В степи». В отличие от большинства ранних прозаических вещей Тупикова — многословных, часто натуралистичных, весьма подчас косноязычных, перегруженных лексикой степняков и местными диалектизмами, рассказ этот отличается лаконичностью, художественной цельностью и емкостью, языковой мерой.

«Киргизская» тема не исчерпывается у Тупикова взаимоотношениями народов-соседей. Поднимает писатель и такую проблему, как интеграция векового национального уклада и образа жизни в современные реалии. В том или ином виде возникает она почти во всех «киргизских» рассказах, в некоторых из них (те же «Слезы Турумбая», например) выходя на передний план и обретая трагедийное звучание.

Обращается Кондратий Тупиков и к вечным вопросам человеческого бытия, на которые пытается взглянуть уже через призму национального колорита.

Весьма примечателен в этом отношении рассказ-легенда «Степные огни» за подписью Степняка-Сибирского. Старый пастух-киргиз Байямбай рассказывает своему юному другу и помощнику перед сном легенду о великом Алаше, который «никогда не учил людей жадности, не сказал ни одного обидного слова людям, порицал всякое зло, сделанное против человека» И народу киргизскому жилось хорошо, ибо «что еще нужно

для жизни человека, как быть свободным, никем не обиженным, сытым и иметь возможность наслаждаться красотой природы?»

Но «вот явился другой человек — человек жадный к власти... и на всякие богатства — Тимур», который стал говорить, что надо жить только одним днем сегодняшним, а не будущим, «стараться в этот краткий миг испытать все радости, все прелести жизни». Однако слава Алаша мешала ему возвыситься, и Тимур решил убить его. Что и сделал на горе Таз-Тау (плешивая гора), где жил Алаш. Тимур вырвал его трепещущее сердце и закопал в яму. И сразу же лес, окаймлявший вершину, попадал, сделав гору лысой. С тех пор каждый год глубокой ночью вспыхивает на горе огонек. «Говорят, что это земля несет жалобу Аллаху на то, что была полита невинной кровью человека, и эта жалоба вспыхивает из неостывшего еще сердца Алаша и горит святым огнем в ночи», — завершает свой рассказ пастух Байямбай.

Извечное противостояние Добра и Зла выражено здесь в форме киргизской легенды-притчи, несущей в себе черты национального колорита, который, надо сказать, в значительной мере спасает автора от вторичности и банальности.

Впрочем, притчевостью, аллегоричностью отмечены не только «киргизские» вещи Кондратия Тупикова.

Так, противостоянию светлых и темных сил посвящена его аллегория «Встреча» с подзаголовком «почти сказка», отнюдь не связанная с «киргизской» темой. Встречаются два путника. Один олицетворяет Свет, другой — Мрак. Они заводят дискуссию об истинном смысле человеческого бытия и о том, каким оно должно быть. «Ты присмотришься к жизни, что ты с ней сделал. Грязь, темнота и убожество. Ты связал людей по рукам, ногам, а их сердца и головы наполнил хламом предрассудков!» — пеняет Свет Мраку. А тот парирует: они того и заслуживают. Диалог в том же духе продолжается всю ночь. А в завершение путник-Свет обещает: «Настанет время, когда я солью весь мир в одну целую великую гармонию, где не будет места страданиям».

Такого рода пафосные, часто очень прямолинейные аллегории в словесности начала XX века были не редки. В литературе этого периода символика в разных ее проявлениях вообще была в большом ходу. И не только в произведениях декадентов и модернистов. Не гнушались ею и писатели-реалисты (вспомним, скажем, раннего М. Горького с его «Городом желтого дьявола», Л. Андреева с «Красным смехом»). Да и тот же Антон Сорокин, запоминался читателям прежде всего своими яркими оригинальными аллегориями, притчами и социальными метафорами.

А поскольку к этому времени Кондратий Тупиков был достаточно хорошо знаком и с самим Антоном Семеновичем, и с творчеством писателя, не оставлявшим его равнодушным, постольку и испытывал он на себе несомненное их влияние. Безусловно, Тупиков пытался подражать Сорокину. Иной раз безуспешно, чему находим подтверждение в упоминавшейся «Встрече», или, например, притче «Цена жизни человеческой». Но влияние было не только и не столько в прямом подражании, что в период ученичества, становления не особо-то и предосудительно, сколько в примерке на себя того лучшего, чем отличался сам мэтр, и усвоении его творческих уроков.

По примеру Сорокина Тупиков стремится в своих «киргизских» рассказах, легендах, сказках, притчах затронуть многие социальные, духовные и нравственные проблемы степного народа, вжиться в бытие «иностранцев», увидеть их глазами окружающей мир, постичь их сознанием смысл явлений действительности. Тем более, что знания жизни степняков ему, как и Антону Сорокину, было не занимать.

Антон Сорокин, в свою очередь, тоже не оставлял без внимания литературных упражнений Кондратия Тупикова (большую же часть им написанного в предреволюционные годы именно так, пожалуй, и можно было определить). А некоторые даже использовал в своих целях. Это подтверждал впоследствии и сам Кондратий Никифорович, вспоминая историю появления одной из своих сказок-притч под названием «Божий цветок».

Поводом для ее создания стала смерть от чахотки знакомой Кондратию девушки, которая казалась молодому сочинителю «прекрасной, как цветок на восходе солнца»¹⁰. Вспомнился дом в родном селе, как появлялось в палисаднике каждой весной «чудо» — мальва, цветущая до поздней осени». И сложилась сказочная история об олицетворяющем земную красоту «божьем цветке», который даже подрубленный под корень, уничтоженный из зависти и злобы, не умирает, а остается и «вечно будет жить в душе тех, кто его возлюбил»¹¹.

Сказка была опубликована в марте 1916 года в Петропавловской газете «Приишимье», но, по признанию Тупикова, «принесла автору немало огорчений». И вовсе не по причине некоей содержащейся в ней подцензурной «крамолы». А благодаря Антону Сорокину, который «в борьбе с противниками использовал ее в своем памфлете: «Божий цветок, — писал он в 1916 году, — это гений Сибири — Антон Сорокин, а свинья (в сказке она своим рылом подкопала и уничтожила чудо-цветок — А.Г.) — сибирская пресса. Вы, банкроты мысли, хотите заглушить мой голос, но это вам не удастся...». Я получил множество писем, обвинявших меня в том, что я поддерживаю графомана и рекламиста. Я спокойно отвечал на эти выпады, не чувствуя никакой вины за собой»¹².

И вот что еще в связи с публикацией «Божьего цветка» любопытно. Почти одновременно в той же газете «Приишимье» был напечатан рассказ еще одного начинающего сибирского литератора Всеволода Иванова «Сны осени». «Всеволод жил тогда в городе Кургане Тобольской губернии и работал в типографии газеты «Курганский вестник» наборщиком и метранпажем»¹³.

Тут, правда, есть разночтение. В отличие от журнальной публикации мемуарного очерка «Наша юность», в его рукописном варианте под названием «Памяти друга» Кондратий Урманов пишет: «Сказка появилась в «Прииртышье», а рядом был напечатан рассказ Всеволода Иванова «Хромоногий». Эту фамилию я впервые увидел в хорошо знакомой мне газете»¹⁴.

А осенью 1916 года Кондратий Тупиков и Всеволод Иванов познакомились. Уже в Омске, на квартире все того же Сорокина. И с этого времени начнется их многолетняя дружеская и творческая связь.

Антон Сорокин был не единственным писателем, кто оказывал на Урманова в начале творческого пути значительное влияние.

Не меньшее воздействие ощущал на себе Кондратий Тупиков от раннего Максима Горького. Не в последнюю очередь, наверное, и оттого, что, как и Алексей Пешков, он вдосталь побродяжил и прошел свои тяжелые «университеты», где довелось познать ему разные стороны и глубины жизни, вплоть до самого ее дна. Как и ранний Горький, Тупиков знакомит читателя с людьми, скитающимися по Руси, а точнее — Сибири, которые либо делятся с ним историей своей жизни, либо рассказывают легенды. Как происходит это, в частности, в упомянутом выше рассказе «Степные дни». А эпизод с «трепещущим сердцем Алаша», которое закопал в землю злой Тимур, сразу же вызывает ассоциацию с «горящим сердцем Данко» из «Старухи Изергиль». Да и герои некоторых рассказов Тупикова невольно заставляют вспомнить горьковского вора Челкаша, удалого цыгана-конокрада Лойку Зобара или обитателей ночлежки из пьесы «На дне».

Вот рассказ «Яшка-Ястреб» с горьковской строкой в эпиграфе — «безумству храбрых поем мы песню». Одноименный его герой доживает в «Сокольниках» (так прозвали бродяги свою ночлежку) последние дни. Его съедает чахотка. Всю жизнь он разбойничал, руководствуясь принципом — «у людей все надо брать самовольно», обосновывая его тем, что «если ты в руках людей являешься игрушкой, то почему ты

¹⁰ Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 228.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний. // «Сиб. огни», 1965, №2, с. 161.

¹⁴ Рукопись находится в фондах Центра истории новосибирской книги.

должен церемониться с этими червями, сосущими твою кровь?» Но пришла пора умирать, и оказалось, что пуста была и бесцельна жизнь «благородного разбойника». Зачем жил человек? — мучается мыслью герой-рассказчик, глядя на умирающего товарища. «Вот жил Яшка Ястреб, копил всякие страдания в душе своей, чтобы потом отомстить за все обиды свои... Но кому отомстить? Когда это будет? Вот пришла смерть смяла и похоронила вместе со страданиями, всеми заветными мечтами». Нет у автора рассказа ни ответа на поставленные им же вопросы, ни определенного к своему герою отношения. Во многом потому и персонаж сей расплывчат, невнятен, а как романтическая фигура — еще и явно вторичен.

А вот герои рассказа «На Иртыше» почти лишены романтического флёра и выписаны более реалистично и убедительно. У каждого, пусть тоже не до конца отчетливо, просматривается собственное лицо и судьба. Тупикову удается показать их в самых существенных и характерных чертах. Не хватает, однако, этой достаточно колоритной зарисовке с элементами физиологического очерка о трех рабочих паровой пристани, которые стерегут до новой навигации купеческий пароход, некого — смыслового ли, сюжетного ли — стержня, который объединял бы рассказ о них в единое органическое целое. Коллизия же с любовной драмой одного из рабочих — Миши (между ним и дочерью пароходовладельца Шульского Лизой вспыхивает однажды страстная любовь, которая странным, совершенно немотивированным образом заканчивается самоубийством сначала Лизы, позже, по причине горькой тоски по возлюбленной, его самого) и вовсе кажется искусственной, необязательной.

Романтическое мироощущение раннего Горького, его светлая, хотя и несколько идеалистическая вера в будущего человека-творца, созидателя нового справедливого мира, были очень близки Крндратию Тупикову. Спологи этой веры то и дело озаряют и его собственное творчество.

Так, герой «Белых ночей» мечтает «изменить в корне человеческую жизнь, отношение человека к человеку», потому что, по его убеждению, «только любовь человека к человеку может создать новую, блаженную жизнь, о которой так плачет и убивается наша душа».

Несмотря ни на что, верит в эту прекрасную будущую жизнь и герой новеллы «Перед рассветом», написанной Тупиковым в семнадцатом году. В ней переданы ощущения молодого узника, попавшего в тюрьму за участие в революционном выступлении. Участь его тяжела и безрадостна, но он, тем не менее, ждет наступления рассвета как торжества справедливости и победы добра над злом: «А все-таки мне верится, что там восторжествует победа правды!.. И в душе далекой надеждой живет и теплится, как свеча, мечта о свободе... Я с замиранием сердца всматривался вдаль и ждал чуда. Я ждал рассвета...» — так оптимистически завершается новелла.

Свободолюбивым духом отличаются многие герои ранней прозы Тупикова. Это и обитатели ночлежек вроде Яшки Ястреба. Это и учительница Ольга Паутова из рассказа «Дневник», вырвавшаяся на волю от отца-самодура. Это и киргизка Казиза («Слезы Турумбая»), пошедшая против воли родителей и обычаев предков. Это и герой рассказа «В рождественскую ночь» Ахмеджан, у которого после ухода от хозяина вдруг «на душе стало так легко, как будто он увидел свободной свою родину и своих давно умерших родителей». А легко потому, что долгое время «над Ахмеджаном было много хозяев, но теперь он сам хозяин» и никто теперь «не смеет тронуть пальцем, никто не будет понукать через силу выполнять хозяйские работы». А герой «Белых ночей», подводя итог диалогу со своими мыслями, приходит к выводу, что «надо побороть власть тела над душой, чтобы стать по настоящему свободным». К свободе, пусть и эфемерной, далекой от реальности конкретного бытия, рвется и Трофим Михайлович из рассказа «Жень-шень»...

Все эти люди тоскуют о свободе, ждут ее, рвутся к ней, в силу чего эти два мотива, тоски и свободы человеческого духа, довлеющих в творчестве раннего Тупикова, становятся как бы сторонами одной медали.

Впрочем, дух свободы, воли волнует и тревожит у Кондратия Тупикова не только людей.

В 1921 году увидела свет еще одна его одна «киргизская» аллегория под названием «Каргызенок». Выросшего в степной воле киргизского коня по кличке Чубарка покупает однажды у степняков богатый коннозаводчик для хозяйственных нужд. На новом месте Чубарка получает новую кличку — Каргызенок — и начинает жить в неволе. Он делает черную работу, обслуживает живущих в сытости, неге и праздности породистых лошадей, которых разводит коннозаводчик. Каргызенка это очень раздражает и угнетает, как и сама неволя, от которой он впадает в еще большую тоску, несмотря на то, что ему теперь не приходится, как раньше, и летом и зимой самому добывать себе корм. Но вот однажды по весне конюх выпускает его, предварительно стреножив, пастись в степь. Каргызеноку удается с большим трудом перегрызть путы, и...

Он «осмотрелся кругом. Никого не видно. Шагнул вперед. И голова закружилась от радости. Прощай, неволя!.. Поднял хвост, припрыгнул, вытянул шею вперед и понесся по степи, куда глаза глядят. «Дальше, дальше!..» — мелькало в голове. Зеленый ковер степи цветистой лентой тянулся перед глазами. Где-то высоко вверху поют, заливаются на разные голоса жаворонки. Но Кыргызенку не до них. Захватывает дух, сердце замирает от радости и во всем теле такая бодрость, что хочется ржать на всю степь — пусть узнают все, что теперь он опять на свободе, что теперь он не Каргызенок, а снова Чубарка — вольный бродяга степи широкой...»

Вольным духом заражены не одни лишь взрослые, но и юные персонажи Тупикова. Такие, например, как мальчик Копка из рассказа «Звереныш» (опубликован также в 1921 году во втором выпуске «Пролетарских побегов»), попавший в сиротский дом после смерти отца от холеры. Почувствовав себя чужим в этом причесанным под одну гребенку детдомовском мире, он сбегает в родное село. Или еще один юный персонаж — написанного годом позже рассказа «Искушение», который бунтует против порядков, царящих в монашеской обители, где он временно обретается.

С темой детства, наряду с «киргизской», Кондратий Урманов вступал в литературу и, как покажет будущее, ей он останется верен навсегда. Но если «Звереныш» и «Искушение» уже можно считать произведениями вполне художественными, то более ранний рассказ «Сашка» пока еще далек от этого. Перед нами этакая умилительно-сусальная рождественская сказочка о сироте, который, встретив хорошего доброго человека, обрел, ему благодаря, кров и новую семью. Для Сашки таким человеком стал возвращавшийся с фронта многодетный солдат, забравший его к себе в дом. Под стать всей этой истории ее приторно-благостный финал: «Вскоре Сашка уже сидел за столом в семье Тимофеевых и радовался своей детской радостью, хотя с глаз не сходили слезы великой благодарности детской души. Ангел великой радости распростер свои светлые крылья над благородными душами этих людей и творил неземную сказку любви и счастья...»

Духом свободы пронизано практически все раннее творчество Урманова. Даже в картинах природы, степных пейзажах почти осязаемо ощутимо дыхание вольного ветра.

Изображение природы в различных ее состояниях и оттенках — вообще едва ли не самая сильная сторона творчества Кондратия Тупикова. Картины природы у него становятся необходимым и важным контекстом разворачивающихся событий, а подчас обретают и самостоятельное художественное значение. Так, с ночного пейзажа, как бы подводящего читателя к старинной легенде, которая вот-вот польется из уст пастуха-киргиза, начинается рассказ «Степные огни»:

«Была тихая летняя ночь. В темном небе только изредка вспыхивали звезды, вспыхивали и гасли вновь. Лес не шелохнется. Стройные высокие сосны гордо подняли свои верхушки к небу и как бы выжидают, когда им вновь начать свой монотонный говор. Белые березы и темные осины, изнеженные прохладой летней ночи, раскинулись лениво, как юные девы в ожидании поцелуев милого, шаловливого ветерка. А в глубине леса

плетется из созвучий красивая сказка ночи. Здесь заяц пискнет, там дергач разорвет ночную тишину своей некрасивой песней, там косач где-то далеко-далеко сидя на ветке зовет свою милую, там ночная сова крикнет пугающе и, усевшись где-нибудь высоко на вершине сосны затрещит, как гремучая змея...»

Многообразную жизнь летнего ночного леса автор передает здесь и красками, и звуками. При этом рисуемая автором картина не есть нечто обособленное и застывшее. Дополняясь новыми штрихами и подробностями, она движется вместе с течением легенды, которую рассказывает пастух, и, как бы замыкая ее, закольцовывая, завершается вместе с нею, вписывая ее в свой гармонический контекст.

«Глубоко вздохнул Байямбай и, облокотившись на руку, задумался. Близился рассвет. Тьма ночи понемногу таяла, и на востоке уже вспыхнула предутренняя заря...»

Впрочем, картины леса в творчестве раннего Урманова редки и для него не характерны, в отличие от степных пейзажей. Именно степь становится для Кондратия Тупикова главным объектом в художественном изображении природы и полноправным героем его творчества. Что косвенно подтверждается и самим фактом появления слова «степь» в заголовках многих прозаических и стихотворных произведений Тупикова: «Степные огни», «Степь», «В степи», «Дочь степи», «В степном городке», «Сказки степей», «Степные ветры» и еще целого ряда других его вещей.

Степные пейзажи Кондратия Тупикова светлы, многоцветны, многозвучны, проникновенны. Степь писатель изображает в разное время года, но всегда она под его пером привлекательна и притягательна.

В миниатюре «Муравейник» дед Мирон и его внук Ленька едут на пашню и наблюдают, как разгорается весеннее утро:

«Покатилось солнышко — мячик золотой — да все выше, выше. Сковородкой раскаленной глянуло на землю, белой кошмой покрытую, и закурила степь жертвенный дым небесам. Туманы — белые холсты — свиваются в крутые завитки и медленно плывут в долинах гор. Цветет алмазами небесная лазурь, звенят ручки хрусталинками льдинок, озера — чаши пенного вина, а реки-змеи рвут мосты-оковы Дедушки Мороза. Перезвонами частушек жаворонки славят степь и небо. И дышит весь простор, и шепотом ласкающая, как дальний звон, земля зовет:

— Весна-а-а... Весна-а-а... Ди-и-тя мо-о-е, при-и-иди-и-и...»

Написанный ритмической прозой весенний этот пейзаж — настоящий гимн пробуждающейся после зимней спячки природе.

Но восхищаются дед и внук не только первозданной красотой природы, но и ее мудрой целесообразностью, которую олицетворяет в миниатюре большой муравейник по соседству с пашней. Мирон завистливо наблюдает за тем, как дружно, слаженно, с явной охотой трудятся муравьи и мечтает: «Эх, построить бы так жить-то, штоб вся земля, как муравейник, зашевелилась в работе...».

Кондратий Тупиков начинал литературный путь в пору, когда Россия входила в полосу великих потрясений, которую открывала кровопролитная Первая мировая война. Естественно, что она тоже не могла пройти мимо внимания начинающего писателя. Еще и по той важной причине, что война эта забрала жизни двух его братьев. И Кондратий пишет полные антивоенного пафоса аллегории — такие, например, как «Цена жизни человеческой», «Мать и сын». Их трудно отнести к произведениям подлинно художественным. Скорее это лишь попытки выразить свою антивоенную гражданскую позицию в художественной форме. Но в неискренности их автора упрекнуть трудно.

Что касается революции и Гражданской войны, то их литературное освоение у Тупикова было еще впереди. Пройдет совсем немного времени, и эта тема надолго станет главной в его творчестве. Не может не стать, поскольку те «гневные годы» и в собственной судьбе Кондратия Тупикова оставили обжигающий след...

Но это будет позже, а пока...

В 1917 году Кондратий экстерном сдал экзамены на звание народного учителя. Но учительствовать ему почти не пришлось. (И, пожалуй, единственным, да и то весьма косвенным, отголоском в творчестве Тупикова этого момента его жизни стал рассказ «Дневник»). Страну захлестнули революционные события. В Сибирь пришла советская власть. Но ненадолго. Поднимает мятеж застрявший на Транссибе чешский корпус, на штыках которого приходит к власти адмирал Колчак. Начинаются «зачистки» и репрессии. Коснулись они и Тупикова, который к этому моменту был связан с революционным подпольем. Кондратия по обвинению в антиправительственных выступлениях арестовывают, но ему удается бежать. Вместе с братом Федором он уходит к партизанам, участвует в Амантайском восстании против белогвардейцев. Оно было жестоко подавлено, а село Амантай уничтожено. В неравном бою Федор был убит.

Смерть младшего брата глубокой болью отзовется в сердце и душе Кондратия. Федору он посвятит несколько стихотворений, а позже, в цикле рассказов о Гражданской войне появится новелла «Встреча», посвященная «светлой памяти брата Феди, погибшего в Амантайском бою».

Сам же Кондратий в том бою был ранен, но сумел с раной в плече переплыть Ишим «и затем скрывался от преследования колчаковской контрразведки»¹⁵. Как вспоминал писатель, «карательные отряды носились по всем селам. Скрываться в селах стало невозможным. Я перебрался в Омск. Там товарищи помогли устроиться на железную дорогу, откуда не брали на военную службу»¹⁶. Атмосферу колчаковского Омска Кондратий Урманов отразит потом и в ряде рассказов о Гражданской войне, и в незавершенном романе «Последний рейс», и в последней, также незаконченной, повести «Тропа юности».

После восстановления в Омске советской власти Тупиков еще некоторое время находится в городе, но все чаще вспоминается ему Кокчетав, свое село, родители, их большая семья, хочется повидаться с ними... И вот подворачивается случай побывать в родных местах. В Омском отделе народного образования Кондратию поручают «доставить в Кокчетав тысячу метров мануфактуры — подарок обездоленным детям от советской власти». В неопубликованных воспоминаниях «Далекие годы»¹⁷ писатель подробно рассказывает о том путешествии. Оказалось оно куда более длительным, чем предполагалось изначально.

В Кокчетав Кондратий добрался благополучно, передал в местный наробраз мануфактуру и... заболел сыпным тифом. Больше месяца пролежал в больнице, а на обратном пути в Омск снова заболел — теперь уже возвратным тифом и попал в ту же кокчетавскую больницу, где, по словам Тупикова, ему «суждено было перенести девять приступов этой ужасной болезни».

«В долгие и мучительные дни пребывания в больнице, — пишет в тех же воспоминаниях Кондратий Урманов, — я передумал много из пережитого, перебрал, кажется, весь путь своих нелегких скитаний. Возвращаться в родное село и братья за крестьянский труд — нечего было и думать. При одной лошади и паре волов — какое хозяйство можно вести?...» А потому, решил Кондратий, как только поправится, он поедет в Омск, где будет учиться и работать. Но, читаем в тех же воспоминаниях, «случилось все не так, как я хотел». Его пригласили в Кокчетавский уездный комитет ВКП(б) и предложили взяться за создание газеты.

Дело, по признанию писателя, оказалось очень непростым. В Кокчетаве имелась маленькая типография, «нашлось три-четыре наборщика, два печатника — вот и все силы, которыми располагал тогда Кокчетав. Но Кондратий Тупиков партийное задание

¹⁵ Яновский Н. Неопубликованные произведения Кондратия Урманова. // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1988. Т. 8, с. 6—7.

¹⁶ Коптелов А. Кондратий Никифорович Урманов. // Кондр. Урманов. Избранное в 2 т. — Новосибирск, 1958. Т. 1, с. 6.

¹⁷ Фрагменты рукописи хранятся в Центре истории новосибирской книги.

выполнил. 1 июля 1920 года в Кокчетаве вышел первый номер газеты «Красный пахарь» — орган Кокчетавского уездного оргбюро РКП(б) и ревкома. (Ныне — районная газета «Степной маяк»).

Но легче не стало. Бывший владелец типографии от сотрудничества отказался, и новоявленному редактору приходилось делать все самому. В своем лице он представлял и заведующего типографией, и редактора с коллективом сотрудников, и корректора и даже экспедитора, доставлявшего свежие номера газеты по адресам.

Антон Сорокин писал тогда Кондратию из Омска: «На вашем месте я бы всю газету заполнил своими произведениями». Он и не подозревал, что его молодому другу и без того поневоле приходилось большую часть газеты отводить собственным, подписанным разными именами, материалам. Правда, на произведения художественные, времени почти не оставалось.

Постепенно выпуск газеты налаживался, появлялись новые рубрики, систематически выходил «Литературный листок», где публиковались местные начинающие авторы, а иногда и сам Тупиков.

Вскоре после Сорокина прислал Тупикову письмо и Всеволод Иванов. «Ну, что ты сидишь в своем Кокчетаве? — писал он. — Бросай все и приезжай, в Омске становится жить очень интересно... Появилось много литературной молодежи...»¹⁸.

Кондратий страшно завидовал товарищу, всей душой стремился в Омск, но бросить газету не мог. Лишь через несколько месяцев, в ноябре 1920 года Тупиков вырвался наконец из Кокчетав: сначала в Москву, а на обратном пути заглянул в Омск. И в Кокчетав уже не вернулся. Ему предложили стать ответственным секретарем только что созданного журнала губкома партии «Красный путь». Журнал, правда, успел выйти всего одним-единственным номером и из-за нехватки материальных ресурсов закрылся. Но этого времени Кондратию хватило, чтобы уверенно войти в литературную среду Омска. Он познакомится как с уже известными журналистами литераторами (Емельян Ярославский, Г. Вяткин, А. Оленич-Гнененко и др.), так и молодыми, среди которых особенно выделялись Иван Ерошин и Леонид Мартынов.

С этими талантливыми поэтами, особенно с Иваном Ерошиным, Кондратий по-настоящему сдружится. Он чувствовал с ними духовное и поэтическое родство. Ведь и сам он, начав в ранней юности со стихов, продолжал писать их многие годы в немалом количестве и, конечно, тоже ощущал себя поэтом.

Насколько это ощущение соответствовало действительности?

Частично соответствовало. Хотя говорить о каких-то более-менее значительных художественных достижениях Кондратия Тупикова на поэтическом поприще не приходится. Да и просто поэтической самобытности большая их часть тоже лишена.

Пронизаны они фактически теми же мотивами тоски, уныния, недовольства жизнью, «гнетом злосчастной суровой судьбы», что и его ранние прозаические произведения. Они прямо-таки перенасыщены свинцово-мрачными настроениями, которыми характерен был когда-то романтизм первой трети XIX века. «Кругом безмолвье, мрак... — рисует Тупиков безрадостную картину бытия в преломлении подобного рода романтического взгляда. — Могильно тихим сном обвеяна планета... // И нет больной душе ни ласки, ни привета!» В итоге же, делает поэт вывод в стихотворении с говорящим названием «Кошмары жизни», — «кошмарна жизнь людей», а «горем убитые, // Мраком повитые, // Люди, как тени, живут». В том же русле мрачного романтизма, далекого от живой реальности, представлена в стихах Кондратия Тупикова и родная Сибирь — «страна изгнанников», «изгнанников могила, // Где слышен без конца несносный лязг цепей». Как видим, фактически все те же сибирские «ужастики», которыми грешили представители русского романтизма еще за столетие до Тупикова.

¹⁸ Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний. // «Сиб. огни», 1965, №2, с.170.

Вместе с тем лирический герой Тупикова, как и его прозаические аналоги, полон свободолюбивого духа. Так, в одном из опубликованных в 1916 году под романтическим псевдонимом Михаил Бродяга Тупиков заявлял: «Я вольный бродяга Сибири родной, // Я — сын Иртыша боевого».

Революционные ветры не обходят и поэтические опыты Кондратия Тупикова. Прежний пессимизм, уныние сменяются революционным оптимизмом, надеждой на светлое будущее, которое лирический герой стремится приблизить своими страстными призывами. С одной стороны, это призывы идти к народу, чтобы «сеять там правду, свободу и разогнать тьму». А с другой — поэт взывает к самому этому народу: «Товарищ! Ты жизнью измучен. // Но духом не падай — иди! // Ты мира строитель! Ты вечен... // И счастье твое впереди...». Вообще же стихи Тупикова революционной поры напоминают то агитационные «стихопесни», которые на заре своей поэтической юности любил складывать Иван Ерошин (и здесь тоже явно его влияние), то рифмованные эпитафии тем, кто пал «за правду, против зла людей». Поэзию в них найти трудно, зато гремучей риторике, газетной декларативности, подражательности и всякого рода штампов и банальностей хоть отбавляй.

Но когда в редкие моменты Кондратию удастся вырваться из этого плена на чистую воду собственного не заёмного поэтического существа, тогда появляются у него неплохие лирические стихотворения, среди которых выделяются, опять же, этюды о родной природе. Степь и здесь у Тупикова на первом плане. А вот любовной лирики у Тупикова на удивление очень мало. Да и та, что есть, совершенно не впечатляет.

Надо полагать, что и сам Кондратий Тупиков свои поэтические опыты не переоценивал, относился к ним достаточно самокритично. За это говорит хотя бы тот факт, что стихи его отдельной книгой никогда не выходили, да и в литературных журналах не появлялись, если не считать четырех стихов опубликованный в разное время (1922, 1938, 1972 гг.) в «Сибирских огнях».

Впрочем, та же участь и по той же, думаю, причине постигла впоследствии и раннюю прозу Тупиковым, когда он впоследствии стал уже Урмановым..

Но вернемся к Омску самого начала 20-х годов.

Кондратий Тупиков активно участвует в его литературной жизни. Стихи и рассказы Тупикова печатаются в омской газете «Рабочий путь» и других периодических изданиях. Он становится членом омского ЛИТО и участвует в нескольких его выпусках «Живого литературного альманаха». С рассказом «Жень-шень», повторюсь, выступает он и в созданном омским ЛИТО журнале «Искусство».

У его коллеги и товарища Всеволода Иванова литературная жизнь тоже кипит. Он выпускает маленькую книжечку рассказов под названием «Рогульки» и дарит ее Кондратию. Ее чтение дает Тупикову повод порадоваться за успех товарища и задуматься о собственной творческой судьбе. «Прочитав рассказы, я тогда же понял, — признается Тупиков, — что Всеволод вступил уже одной ногой в тот мир, который называется литературой, вступил уверенно, как на свое пожизненное поприще»¹⁹.

Чего никак нельзя было сказать о самом Кондратии, находившемся пока во взвешенном состоянии этакого пишущего маргинала, не нащупавшего пока твердой творческой почвы под собой и не выбравшего определенного направления. Он — в поиске: своей магистральной темы, жанра, стиля, да и вообще «лица необщего выраженья». Хотя интуитивно уже ощущал, и собственный жизненный опыт ему это подсказывал, что уходящая в прошлое Гражданская война становится сейчас главным предметом и темой номер один для новейшей российской словесности. И в первую для тех литераторов, кто сам прошел через ее горнило. А это, кроме Тупикова, и В. Зазубрин, и Ис. Гольдберг, и А. Фадеев, и И. Ерошин, и еще многие другие писатели Сибири и

¹⁹ Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний. // «Сиб. огни», 1965, №2, с. 171.

Дальнего Востока. С крепнущим этим ощущением, Кондратий и находился тогда на пороге самоопределения.

Вместе с тем, в жизни самого Тупикова на рубеже 21-22 годов начинаются серьезные перемены, которые, в свою очередь, связаны с кардинальным поворотом в судьбе его друга. Всеволода Иванова, трудившегося тогда выпускающим газеты «Советская Сибирь», приглашает в Петербург на работу сам Горький! На освободившееся место приняли Кондратия Тупикова, и он «переселился в его (Вс. Иванова — А.Г.) комнату в гостинице «Деловой двор»...»²⁰.

В редакции «Советской Сибири» Тупиков пришлось, что называется, ко двору. Выполняя свои прямые обязанности, он регулярно публикует на страницах газеты как собственные журналистские материалы, так и художественные произведения. Он становится верным помощником редактора газеты Емельяна Ярославского. А когда партийные и советские органы, в их числе и газета «Советская Сибирь» осенью 1921 года переезжают в Новониколаевск, Ярославский забирает с собой и Тупикова.

С марта 1922 года в Новониколаевске начинают выходить «Сибирские огни». Кондратий Никифорович знакомится с первыми его «огнелюбами» Л. Сейфуллиной, В. Правдухиным, В. Итиным, В. Зазубриным, А. Караваевой и становится постоянным автором журнала, где публикует практически все свои произведения, начиная с рассказов о Гражданской войне, которые составят в 1924 году его первую книжку «Половодье», выпущенную здесь же, в Новониколаевске. И если еще в 1921 году — в последний год жизни в Омске — он подписывал свои произведения либо собственной фамилией, либо псевдонимом Урманов, то в Новониколаевске его литературным именем окончательно становится Кондратий Урманов.

Почему Урманов? Ну, наверное потому, что звучно, романтично, с густым налетом сибирской экзотики. Есть на сей счет и свидетельство самого писателя. Сохранился сделанный в январе 1922 года карандашом портрет Урманова работы художника Виктора Уфимцева. В правом верхнем углу рукой Кондратия Никифоровича начертано: «Мне нравится фамилия Урманов, // Хотя в урмане я не очищал карманов, // но все же я — Урманов!»²¹

Как бы то ни было, но именно под именем Урманов Кондратий Тупиков и войдет в историю советской литературы Сибири как один из ее зачинателей...

²⁰ Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний. // «Сиб. огни», 1965, №2, с.171.

²¹ Виктор Иванович Уфимцев. Архив. — М., 2009, с. 171.